

Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Выпуск 2 : научно-практическое издание. – Старотеряево : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. – Саратов : Амирит, 2016. – 240 с.

ISBN 978-5-9909418-1-6

Р е ц е н з е н т ы:

Флоря Д. Ф., кандидат юридических наук, доцент
(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова);

Клочко Ю. В., кандидат психологических наук, доцент
(Барнаульский юридический институт МВД России);

Сковердяк Е. А.
(ОМВД России по Рузскому району ГУ МВД России
по Московской области);

Евмененко И. В.
(ОМВД России по Рузскому району ГУ МВД России
по Московской области)

***Редакционная коллегия:** Г. Н. Жогов; В. В. Абрамочкин, кандидат юридических наук, доцент; М. В. Кутепова, кандидат биологических наук; В. А. Кузнецов, кандидат юридических наук; Г. Б. Кулиш; О. В. Валуева; Т. Н. Пилякина*

Научно-практическое издание представляет собой сборник научных статей, подготовленный по материалам межведомственной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития оперативно-разыскного законодательства (к 20-летию принятия Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»)» (23 октября 2015 г.) и Всероссийской научно-практической конференции «Развитие потенциала личности при подготовке специалистов правоохранительных органов» (14 апреля 2016 г.), проведенных в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

В данное издание вошли статьи научно-педагогических работников, практических сотрудников правоохранительных органов, адъюнктов, курсантов и слушателей.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях, отражают субъективные оценки их авторов.

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ISBN 978-5-9909418-1-6

© Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя, Московский областной
филиал, 2016

© Коллектив авторов, 2016

РОССИНСКИЙ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ

доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. Высказаны предложения, связанные с возможностью придания результатам ОРД статуса полноценных доказательств при условии внесения дополнений в оперативно-розыскное законодательство.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскных мероприятий, доказывание по уголовному делу, вербальное и невербальное познание объективной реальности.

Вопрос о возможности и формах использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности — это одна из наиболее актуальных проблем, стоящих в настоящее время как перед теориями уголовного процесса, так и перед современной следственной и судебной практикой. Важность и необходимость скорейшего разрешения данной проблемы отмечается многими учеными-процессуалистами [2, с. 199; 7, с. 7; 10, с. 94]. Вместе с тем современные законодательные подходы к механизмам доказывания по уголовному делу не позволяют расценивать подобные результаты в качестве полноценных доказательств; между оперативно-розыскным законодательством и УПК РФ существует серьезная юридическая коллизия. Так ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и изданная в соответствии с ним Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» фактически предполагают использование соответствующих материалов в качестве доказательств по уголовному делу в случае их получения в установленном УПК РФ правовом режиме, т. е. при соблюдении процессуальной формы. Однако оперативно-розыскная деятельность в принципе не может быть облечена в такую форму и, следовательно, соответствовать требованиям УПК РФ. Любое оперативно-розыскное мероприятие имеет по сравнению со следственными, судебными или иными процессуальными действиями совершенно иную правовую природу и нормативную основу. Результаты оперативно-розыскной деятельности в момент их передачи в орган дознания, следователю или в суд принципиально не могут соответствовать требованиям допустимости доказательств, на что неоднократно обращалось внимание в специальной литературе [9, с. 50–51].

В этой связи в уголовно-процессуальной науке постоянно предпринимаются попытки выработать некий правовой механизм, направленный на легализацию результатов оперативно-розыскных мероприятий для возможности их использования в доказывании по уголовному делу.

Причем большинство авторов сходятся в одном: сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, не могут использоваться в доказывании напрямую, непосредственно, а должны быть преобразованы в доказательства в соответствии с процессуальным законом [3, с. 171–172; 8, с. 353–354; 12, с. 35–36; 17, с. 111–112]. Эти сведения обычно позиционируются в качестве некоей информационной основы, на которой могут быть сформированы доказательства [7, с. 240; 3, с. 24]. Указанный тезис находит подтверждение и в практике Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 4 февраля 1999 г. № 18-О; от 24 сентября 2013 г. № 1505-О и т. д.).

Сам по себе УПК РФ не дает ни единого намека на возможность приобщения представленных материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, т. е. придания им некоего подобия процессуальной формы. В УПК РФ нет ни одного правового положения, которое хоть как-то корреспондировало бы со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Законодатель как бы не запрещает органу дознания, следователю или суду получать в свое распоряжение определенные материалы, фиксирующие ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий. Однако с формальной точки зрения они реально не имеют ни малейшей правовой возможности ввести такие материалы в уголовный процесс посредством каких-либо следственных или иных процессуальных действий; подобных действий УПК РФ просто не предусматривает.

Вместе с тем, несмотря на вышеуказанные правовые пробелы, практика использования в доказывании по уголовным делам сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, ввиду своего большого значения имеет повсеместное применение. А сотрудники правоохранительных органов относятся к ней как к само собой разумеющейся и в своих правопримени-

тельных решениях прямо ссылаются на материалы оперативно-розыскной деятельности как на полноценные доказательства¹. Позиционируя «на бумаге» результаты оперативно-розыскной деятельности как соответствующие требованиям уголовно-процессуального законодательства, правоприменитель таким образом создает некую правовую иллюзию, некую видимость их допустимости и, следовательно, законности выносимого юрисдикционного решения.

На самом деле ни ст. 89 УПК РФ, ни какие-либо иные положения уголовно-процессуального закона не позволяют оценить допустимость указанных доказательств, поскольку их формирование происходит, как уже отмечалось выше, в принципиально иной правовой плоскости, в сфере, регулируемой оперативно-розыскным правом. Поэтому в реальности процессуальную доброкачественность этих материалов органы предварительного расследования и суды связывают с соблюдением требований законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, ст. 89 УПК РФ в том виде, в котором она определена законодателем, нам представляется не просто сомнительной, но имеющей догматичный характер в его негативном понимании. Полагаем, что ее присутствие в системе уголовно-процессуального права формально блокирует любые возможности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности и, следовательно, побуждает изобретать некие «обходные пути», а фактически игнорировать установленные запреты.

Некоторыми исключениями из рассматриваемых проблем являются возможности прямого использования в доказывании по уголовному делу вещественных доказательств и иных документов, а также возможность допроса в качестве свидетеля сотрудника правоохранительного органа по поводу сведений, полученных им в результате оперативного наблюдения, эксперимента и т. д. Вместе с тем подобные способы – не более чем исключе-

ния, никак не способные претендовать на право применения в любых случаях, связанных с необходимостью «введения» в уголовный процесс результатов оперативно-розыскной деятельности. Их использование в практической деятельности преимущественно носит искусственный характер и фактически является не более чем «прикрытием» оперативно-розыскной информации «наиболее удобным» видом доказательств, причем без разбора их гносеологической природы и сущности. Подобная практика неизбежно приводит к размыванию граней между различными видами доказательств в уголовном процессе, способствует подмене одних доказательств другими или появлению доказательств, не свойственных для восприятия определенных сведений.

В этой связи следует обратить внимание, что оперативно-розыскные средства восприятия информации так же, как и процессуальные действия, представляют собой определенные познавательные приемы. Они наполнены гносеологическим содержанием; их проведение также обуславливается теми же закономерностями вербального и «невербального» познания объективной реальности, которые были подробно исследованы нами в более ранних работах [8, с. 354–365; 15, с. 43–71]. Именно эти способы позволяют оперативным работникам формировать в своем сознании посредством чувственного и рационального мышления соответствующие мысленные образы объектов или явлений, которые впоследствии возможно и приобретут значение для какого-либо уголовного дела.

В контексте проводимых нами научных исследований, нацеленных на изучение невербальных познавательных механизмов, отметим, что основное отличие результатов невербальных непроцессуальных мероприятий от полноценных доказательств по уголовному делу, в частности от результатов невербальных следственных или судебных действий, заключается в том, что они возникают вне установленной УПК РФ формы и, таким образом, в настоящее время юридически не могут быть использованы в доказывании. Однако по своей гносеологической природе невербальные следственные или судебные действия и невербальные оперативно-розыскные мероприятия – это очень близкие, родственные познавательные процедуры, в основе которых лежат единые закономерности восприятия человеком материальных объектов и формирования на этой основе соответствующих мысленных образов как необходимых познавательных результатов. Каждое подобное оперативно-розыскное мероприятие приводит к получению того результата, который является гносеологически идентичным результату соответствующего невербального следственного или судебного действия. Под таким углом зрения становится очевидным, что результаты невербальных оперативно-розыскных мероприятий подлежат

¹ Возможность прямого использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам фактически подтверждает и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В одном из своих Постановлений он разъяснил, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» с последующими изменениями и дополнениями.

закреплению и введению в уголовный процесс посредством некой правовой формы, которая является идентичной или по крайней мере близкой к правовой форме результатов невербальных следственных и судебных действий. Сведения, полученные оперативными сотрудниками, на наш взгляд, могут найти свое процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ. Прямое использование данной правовой нормы для процессуального закрепления результатов невербальных оперативно-розыскных мероприятий представляется невозможным, поскольку они не являются следственными действиями, проводятся вне процессуальной формы и к тому же лицами, не являющимися субъектами доказывания по уголовному делу. В этой связи возможен лишь один реальный выход из сложившейся ситуации. Он заключается в изменении отношения законодателя к процессуальному режиму введения результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания по уголовному делу. Представляется, что не существует никаких реальных препятствий для обеспечения возможности прямого, непосредственного использования данных материалов в качестве доказательств.

Следует обратить внимание, что данная позиция не характеризуется исключительной новизной. Отдельные ученые, занимающиеся этой проблематикой, уже предлагали подобные подходы к решению проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Однако их позиции носят либо слишком резкий характер и связаны с возможностью использования в доказывании любых результатов оперативно-розыскной деятельности [13, с. 220; 5, с. 46–48], либо, наоборот, являются слишком осторожными, предполагающими использование в доказывании весьма ограниченного перечня таких результатов [11, с. 201]. В этой связи наиболее правильной нам представляется точка зрения В. В. Абрамочкина, выступающего за возможность использования в доказывании только тех результатов оперативно-розыскной деятельности, которые схожи по содержанию с результатами следственных действий, но при этом не могут быть получены следственным путем [1, с. 20–23]. Представляется, что таковыми являются результаты оперативно-розыскных мероприятий, не обладающие свойством воспроизводимости, т. е. не подлежащие повторному получению дознавателем, следователем или судом в процессе расследования или судебного разбирательства уголовного дела. А в основе таковых мероприятий как раз и лежит невербальный способ познания, связанный с непосредственным восприятием оперативным работником обстоятельств объективной реальности, имеющих значение для последующего уголовного дела.

Итак, резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что единственный вариант решения проблемы использования в доказывании невербальных результатов оперативно-розыскной деятельности заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс без необходимости какого-то мнимого процессуального оформления. По крайней мере ни одному специалисту, работающему в данном направлении, до настоящего времени не удалось сконструировать какой-либо иной действенный и эффективный способ формирования доказательств, основанных на сведениях, полученных в ходе непроцессуальных мероприятий. Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреблений в этом сегменте процессуального познания, то, как пишет В. М. Бозров, они не исключаются и при следственных действиях. Автор считает, что нужно постараться свести вероятность подобных явлений до минимума посредством уголовных и уголовно-процессуальных гарантий [5, с. 24–25].

Полагаем, что для использования в процессе доказывания по уголовным делам соответствующих результатов сами невербальные оперативно-розыскные мероприятия должны быть возведены в такой правовой режим, который в последующем позволил бы дознавателю, следователю или суду проверить их доброкачественность, в частности условия соблюдения прав и свобод личности при их осуществлении.

К сожалению, в настоящее время правовая регламентации оперативно-розыскных мероприятий оставляет желать лучшего. Условия и порядок проведения некоторых из них прописаны в законе лишь фрагментарно, а для некоторых отсутствуют и вовсе. Представляется, что подобное положение дел как раз и вызывает то негативное отношение к их использованию в процессе доказывания, которое на сегодняшний день вытекает из текста уголовно-процессуального закона и которого придерживаются многие ученые-процессуалисты. Поэтому для реализации наших предложений, связанных с возможностью придания результатам оперативно-розыскных мероприятий статуса полноценных доказательств в будущем, предстоит большая работа по формированию соответствующей нормативно-правовой базы и внесению целой серии дополнений в оперативно-розыскное законодательство.

И наконец, в завершение следует отметить, что прямое использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий допустимо лишь в том случае, если эти результаты подтверждаются иными собранными по делу доказательствами. Разрешение уголовного дела по существу на основании одних только результатов непроцессуальной деятельности является недопустимым.

Библиографический список

1. Абрамочкин В. В. Использование результатов негласных ОРМ в уголовном судопроизводстве: позиция Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовный процесс. 2011. № 1.
2. Азаров В. А. Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лутинской. М. : ООО «Изд-во «Элит»», 2011.
3. Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск : БГУЭП, 2014.
4. Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск: ФГУИПП, 2002.
5. Бозров В. М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4.
6. Бозров В. М. Результатам ОРД – статус доказательств // Законность, 2004. № 12.
7. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Проспект, 2009.
8. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб : Юридический центр «Пресс», 2006.
9. Земскова А. В. Актуальные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Новый Уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межведомственного «круглого стола» / под ред. О. А. Галустяна, О. И. Цоколовой. М. : МосУ МВД России, 2003.
10. Зуев С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3.
11. Лазарева В. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М. : Высшее образование, 2009.
12. Позорецкий Н. А. Использование материалов оперативно-розыскной деятельности для получения доказательств в уголовном процессе // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Кн. 2. Киев: Университет «КРОК», 2006.
13. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001.
14. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3.
15. Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2015.
16. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : Инфра-М, 2006.
17. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2008.

СОЛОВЬЕВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

начальник отдела по раскрытию преступлений против личности УУР
УМВД России по Астраханской области

КРИМИНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СВЯЗАННАЯ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Аннотация. Раскрывается содержание понятия торговли людьми. Предлагается криминологическая и оперативно-розыскная характеристики, рассматриваются причины латентности данного вида преступлений, а также причины, способствующие недостаточной эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с торговлей людьми.

Ключевые слова: рабство, торговля людьми, оперативно-розыскная деятельность.

Под торговлей людьми в ст. 127.1 УК РФ понимается купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение. В примечании 2 к этой статье эксплуатация человека опре-

деляется как «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние». Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что в большинстве случаев целью торговли людьми является